

ный» памятник, если к нему применить предложенный Д. В. Айналовым исследовательский метод, может доставить данные для всех новых утерянных версий Жития Бориса и Глеба.

Среди иконографических памятников, привлеченных к изучению вопроса происхождения и взаимного отношения Несторова Чтения и анонимного Сказания, особое место занимают литые из медных сплавов кресты-энколпионы и иконки с изображениями Бориса и Глеба. В результате их изучения В. И. Лесючевский пришел к выводу о старшинстве Несторова Чтения. Следует поставить вопрос, действительно ли представленный В. И. Лесючевским иконографический материал дает основание для такого вывода.

Автор выделяет по основным иконографическим признакам три группы древнейших изображений Бориса и Глеба, отражающих, по его мнению, три этапа в развитии их культа.⁶⁷ К первой группе принадлежат изображения князей без всяких специальных атрибутов, кроме крестов в руках — это прежде всего изображения на окладе Мстиславова евангелия, Рязанских бармах, Учительном евангелии Константина и росписи алтаря Нередицы. Ко второй группе В. И. Лесючевский относит изображения князей с крестами и моделями храмов в руках на крестах-энколпионах, датированных им XI—XII вв.⁶⁸ Третью группу составляют, по мнению автора, изображения князей-мучеников на тех же крестах и иконах XII в. в виде конных воинов с мечами и копьями.

Особенно много внимания В. И. Лесючевский уделил изображениям Бориса и Глеба с моделями храмов в руке и пришел к выводу, что иконографически эти памятники тождественны и не содержат никаких вариантов. Борис всегда держит в руке пятикупольный храм, Глеб же — однокупольный. Автор делает отсюда вывод, что модели храмов не являются результатом свободного художественного творчества, но повторением какого-то конкретного произведения искусства. Сопоставляя эти данные с текстом Несторова Чтения и анонимного Сказания, В. И. Лесючевский датирует эти изображения на энколпионах временем после 1072 г., когда поставлен был однокупольный храм в Вышгороде, модель которого Глеб держит в руке, и не позднее начала XII в., когда святые начали выступать с атрибутами воинов-защитников Русской земли, что четко отразило анонимное Сказание, составленное после 1115 г.⁶⁹

Борис и Глеб не были ктиторами церквей, и потому следует согласиться с толкованием В. И. Лесючевского, что святые держат в руке модели посвященных им храмов. Однако дальнейшее предположение, что Глеб держит в руке модель однокупольной святыни, так как она была посвящена исключительно ему, так же как более ранняя, пятикупольная — исключительно Борису, хотя само по себе интересно, но построено на весьма шат-

140). Третья сцена — это акт обвинения Святополка, зачинщика злодеяния. Она мотивирует последующие сцены возмездия, делает его понятным. Быть может, расположению клейм на Коломенской иконе можно дать более убедительное толкование; во всяком случае здесь — неловкое повествование художника, нежели случайная путаница.

⁶⁷ В. И. Лесючевский, *Вышгородский культ...*, стр. 240 и сл.

⁶⁸ К этой группе В. И. Лесючевский причислил выходную миниатюру Слова Ипполита об Антихристе в рукописи XII—XIII вв., считая, что на ней изображен Борис, держащий в руке модель пятикупольного вышгородского храма. Тонкий анализ рукописи и миниатюры показал, что это памятник болгарского происхождения, а на миниатюре изображен болгарский князь Борис-Михаил. См.: В. С. Голышенко. К вопросу об изображении князя в Чудовской рукописи XII—XIII вв. — *Проблемы источниковедения*, т. VII, М., 1959, стр. 391—415. Ср. также: В. И. Иванова. Ктиторский образ в Ипполитовом сборнике на Исторический музей в Москва. — *Археология*, год 1, кн. 3—4, София, 1959, стр. 13—23.

⁶⁹ В. И. Лесючевский, *Вышгородский культ...*, стр. 233—240.